

К ВОПРОСУ О ЗАПОЛНЕНИИ «ЛАКУН» В ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЕ

Типологическое представление о поведении систем языков в диахронии предполагает понятие «пустых мест», которые возникают на определенных синхронных срезах диахронии этих языков по причине нарушения или перестройки синхронного, равновесного состояния: в силу некоторых процессов, имевших место в прошлом. В структуре языка появляются т.н. лакуны, вызванные недостаточной маркированностью имеющихся уровневых средств для выражения тех или иных уровневых значений. К примеру: недостаток формальных средств для выражения грамматического значения «темпоральности» на определенном этапе диахронии русского языка был восполнен развитием видо-временных форм глагола. И наоборот: отсутствие вида (Aktionsart) в германских языках восполняется необходимым количеством аналитических форм (Perfekt, Plusquamperfekt, Futurum, Future in the Past, Gerundium, Konditionalis I и II). Поведение системы в подобных ситуациях, возникающих в диахронии, однозначно: объективные грамматические категории так или иначе должны быть в каком-то образом актуализированы в языке. Их актуализация обусловлена объективной необходимостью. Возникновение и развитие видовых характеристик как отдельной грамматической, вербальной категории в русском языке, когда в силу малой маркированности аориста и перфектных форм в системе возникла необходимость формальной актуализации объективных категорий «consecutio temporum» (согласование времен): «предшествующего действия в прошлом (плюсквамперфект)», «постшествующего действия в прошлом (Futur in the Past) и проч. И, само собой разумеется, всякая объективная категория должна быть каким-то образом актуализирована в языковой системе. Здесь система всегда прибегает к использованию из арсенала наличествующих уровневых средств (фонологических, морфологических, лексических, синтаксических), с целью восстановления «лакуны», недостающего формального компонента (или маркера этой категории, который мог бы достаточно определенно манифестировать ее значение), т.е. адекватной актуализации этой объективной категории. Система ус-

ского языка, остановившись на идеальном соотношении формальных времен (настоящее, прошедшее и будущее), выбрала для этой цели лексические средства: «*Когда я пришел, гости уже уходили*» «*Когда я пришел, гости стали расходиться*»; «*Когда я пришел, гости уже ушли*» или более выразительные варианты: «*После того, как я пришел, гости начали расходиться*», «*Гости уже ушли еще до того, как я пришел*» (кроме этого в русском языке используются дополнительные, лексические диакритики: наречия времени «вчера, сегодня, завтра, в том случае, если и т.д.»), и аналитические формы с глаголами «начинать, стать, собираться». Активное использование морфологией лексических средств для выражения своего уровневого значения сопровождалось развитием русской спецификации – вида. Это позволило системе заполнить возникшую лакуну отсутствия специальных грамматических форм для выражения объективных грамматических категорий «предпрошедших и последующих событий». Германская языковая система прибегла к иным средствам: для общегерманского языка на определенном синхронном уровне также была характерна оппозиция «презентс – имперфект», но для актуализации прочих объективных категорий система языка предпочла создание аналитическим способом новых грамматических форм: Futurum, Perfekt, Plusquamperfekt, Present Perfekt, Past Perfekt, и даже малопонятную для носителя русского языка форму Future in the Past. Причем процесс становления и развития этих форм происходил уже довольно поздно и достаточно хорошо прослеживается по письменным памятникам. Таким образом, система, создавая новые формы, заполняет лакуны. Активная морфология русского языка, пренебрегая аналитическими формами в пользу лексических и видо-временных нововведений, тем самым отказалась от «consecutio temporum» (субъективная вербальная категория, в принципе, не обязательная для формального маркирования), этого столь необходимого и сложного явления в германских языках (ср. рус. «*Он не знал, куда идет*» (настоящее + прошедшее), тогда как в нем. языке подобное употребление времен немыслимо, нормативно лишь согласованное „*Er wusste nicht, wohin er ging*“, (Präteritum + Präteritum), но не „*wohin er *geht*“ (Präteritum + Prasens). Общая тенденция к заполнению лакун достаточно определенно прослеживается на всех уровнях языковой стратификации. Причины могут быть различными – во суть всех явлений типологически идентична: возникновение набора структур-аттрак

торов (целевых направлений эволюции) в точках бифуркации. У систем всегда в таких ситуациях есть выбор.

Недостаток маркированности флексии в английском языке, возникшей в результате ее невыразительности и синкопирования в безударном положении еще в 12-14 вв., оградился и на деривационной системе: она была компенсирована (лингвистический императив при заполнении лакун) возникновением т.н. биномов: *top man, talk show, shop tour* и проч. Это нововведение в германских языках – своеобразная конверсия. Немецкая языковая система пошла тем же путем, но оформила эти биномы как единое, сложное слово: *Torwächter, Süßwasser*. Эти экономные формы актуализации весьма сложных семантических взаимоотношений отдельных частей внутри сложного германского слова или понятия (ср. англ. *school girl* – «шкльница» и *girl school* – «школа для девочек»; нем. *Milchflasche* – «бутылка из-под молока» и *Flaschenmilch* – «бутылочное молоко») становятся популярными и в русском языке: ср. «ракета носитель, Пушкин центр, Дягилев-сезоны, ангел хранитель, салат бар, бизнес-класс, космонавт центр, бизнес-школа, интим-услуги, экспресс опрос, бизнес специализация, гриль-куры, ракеты «земля земля, земля-воздух, воздух-воздух», транспортные средства типа «вода-суша»». В английском языке это, как правило, два слова, объединенные семантически, а не формально, одним номинативным значением. Выразительность и языковая экономия подобных образований способствуют распространению этих аналитических форм-биномов и в русском языке. Это не заимствованные из английского конструкции, это тенденция к аналитизму, преодолевающая недостатки флективных языков с громоздкими описательными конструкциями («*отцовская шляпа/ *отцова шляпа, *домовая крыша, *фирма, оказывающая консалтинговые услуги» вместо: «шляпа отца, крыша дома, консалтинг-фирма») или ограниченными потенциями образования отыменных прилагательных (салат –ный, -овый? бар*, консалтинг -овая, -овская, -ующая фирма*?). Подобная тенденция отмечается также в немецком языке в виде синтаксических, инкорпоративных сдвигов, оформляющихся пока, как и в русском языке, через тире „*Das-die Verantwortung-auf sich-Nehmen*“ (взятие на себя ответственности). Такая незначительная специфика индивидуального развития отдельных языковых систем при заполнении лакун также может быть расценена и как элемент самодостаточности системы.

темы языка (с лингвосинергетической точки зрения), и как проявление различных структур-аттракторов, возникающих в точке бифуркации динамического развития лексики (или деривационных процессов) определенных языковых систем. Но это обстоятельство не противоречит общей тенденции саморазвития систем и, тем более, нашему предположению о типологической возможности экстраполяции основных направлений эволюции из одной языковой системы в другую.

В заключение одна существенная оговорка: любая объективная категория грамматического, лексического или синтаксического уровней должна быть обязательно манифестирована в системе каким-либо формальным маркером. Лакун в языке не должно быть и для их заполнения хороши любые средства (актуализация морфологических категорий лексически или синтаксическими средствами, лексическими — грамматическими, просодическими или синтаксическими). В различных языках это происходит по-разному, но типологическая универсальность этого принципа неоспорима